

Благодарности

Спасибо всем, кто мне помогал, особенно Джули, Хелен, Наоми и Кэтрин из «Макмиллан», а также Саре Менгук и ее команде, разбросанной по всему миру.

Спасибо Полу Рутману — благодаря ему и возникла идея этой книги. И спасибо Бренде, Дэвиду, Вунми и Элейн, которые помогли познакомить Веру с более широким кругом читателей.

Глава 1

Вера Стенхоуп выбралась из древнего «лендровера» Гектора и почувствовала, как ноги у нее слегка подкосились. «Лендровер» Гектора. Отца уже давно не было в живых, но в мыслях она все равно связывала машину с ним. Она ненадолго остановилась, чтобы поглядеть на раскинувшуюся внизу долину. Помимо машины от отца ей досталось еще кое-что — вот тот дом.

«Ну и черт с ним, — подумала Вера. — Может, этого вполне достаточно, чтобы уже простить его».

На дворе стоял октябрь, и день потихоньку сходил на нет. В воздухе пахло дымом, горячей древесиной и холодком. Большинство деревьев уже сбросили листву, а лебеди-кликуны вернулись на озеро.

По пути домой она заехала в магазин в Киммерстоне, и теперь на пассажирском сиденье лежали пакеты с продуктами. Вера виновато оглянулась по сторонам: нет ли на побережье кого из соседей? Эти воинствующие экоактивисты презирали целлофан, а после рабочего дня ей только лекции о спасении планеты не хватало. Но никого из людей на целый ярд вперед видно не было. Парочка куриц поклевывала землю на пятачке, заросшем сорняком. Тихо. Если б Джек трудился в сарае, то всю бы играла рок-музыка. Или заунывный блюз. Она забрала пакеты из машины, потом поставила их возле двери и стала искать ключ.

Но дверь, как оказалось, была открыта. Все тело Веры напряглось, но в то же время она почувствовала какое-то воодушевление. Не может быть, чтобы она ушла утром на работу, не заперев дом на замок. Во всю эту романтическую чушь о безмятежной жизни за городом, где можно оставлять входную дверь открытой, она никогда не верила. В небольших городках преступления тоже совершают. Она же читала отчеты: в благополучных школах Нортумберленда, рассчитанных на средний класс, наркотиками балуются точно так же, как и в любых других. Разница только в том, что у учителей привилегированных учебных заведений лучше получается не поднимать шума.

Вера локтем толкнула дверь, подумав, что только домушника ей сейчас не хватало. Да и что у нее брать? Любой уважающий себя вор отвернет нос от ее оксфордской¹ одежды, несчастного компьютера и телевизора, которому уже лет десять. Но от самой мысли, что в дом кто-то забрался, становилось не по себе. Придется вызывать полицию, они перевернут все вверх дном, засыпят дактилоскопическим порошком, а потом поедут обратно в отдел и будут всем рассказывать, в каком бардаке она живет.

Вера, несмотря на свои внушительные габариты, двигалась тихо — научилась еще в детстве. Она остановилась в коридоре и прислушалась: по дому никто не ходит. Хотя, может, преступник перемещается так же бесшумно, как и она. Но какой-то посторонний звук все же был — потрескивали дрова, стреляли искры. Пожар? То есть горячей древесиной на улице пахло не от соседей, а из ее дома. Нет, это точно не пожар:

¹ В данном случае имеется в виду одежда от благотворительных организаций.

ни черного дыма, ни языков пламени, ни жара — ничего этого, стоя в коридоре, Вера не заметила.

Она открыла дверь, ведущую в крохотную гостиную, и увидела своего соседа Джека. Он устроился в самом удобном кресле, где раньше всегда сидел Гектор. Он разжег дрова, которые Вера до этого сложила на каминную решетку, и теперь глядел на огонь. От ужаса, охватившего Веру вначале, и пришедшему ему на смену облегчения она не на шутку разозлилась. Чертовы хиппи! Вера дала им ключ на всякий случай, вдруг что, а они теперь приходят, когда им вздумается. До чего наглые!

— Ты какого черта здесь делаешь?

Джек поднял глаза, и Вера заметила, что по щекам у него текут слезы. Она выругалась про себя. Что случилось? Дома не все в порядке? Кто-то умер? Не надо было ей знакомиться с этим семейством. Только дашь слабину — и люди начинают от тебя что-то требовать. А Вера терпеть не могла, когда от нее что-то требовали. Но тут она вспомнила, как Джек и Джоанна чистили дорогу от снега, когда ей нужно было ехать на работу. Или как она сама приходила к ним без приглашения, таскала бутылки с выпивкой, когда уж очень хотелось пропустить пару стаканчиков. А еще они втроем собирались за ужином на кухне, сидели, смеялись над какой-нибудь дурацкой шуткой.

Джек кивнул в сторону камина:

— Извини. Уж очень холодно у тебя. А как решил, что надо с тобой поговорить, сидеть дома уже не мог.

— Что случилось, Джек?

Он покачал головой:

— Джоанна... Я не знаю, где она.

Джек был родом из Ливерпуля, мягкая, чувствительная натура. Когда-то он служил в торговом

флоте, повидал мир, а историй у него — начнет рассказывать ранним вечером за чаем, а к раннему утру, когда уже начинаешь потихоньку трезветь, еще и не закончит. После флота ему захотелось комфортной, спокойной жизни, и в возрасте около сорока лет он купил небольшой участок рядом с Вериним домом. Он вырос в городе, и все его представления о сельской жизни ограничивались ежегодным паломничеством на фестиваль в Гластонбери¹. Но так или иначе, жизнь его здесь сложилась. Без дела он не сидел и вечно что-то мастерил в сарае. Возвращаясь домой около полуночи, намучившись с очередным непростым делом, Вера заглядывала к Джеку, чтобы пожелать доброй ночи. Благодаря этому короткому контакту она могла считать, что ее коллеги все-таки не правы — друзья у нее есть. И жизнь — помимо работы — тоже.

— В смысле? — Вера старалась говорить спокойно, хотя, увидев мужчину, разводящего сопли, она тут же захотела ему треснуть.

— Два дня уже нет. И не пишет. Мне кажется, она больна, но не говорит об этом.

— Как больна? — уточнила Вера и, помолчав, добавила: — Рак?

Верина мама умерла от рака, когда та была еще маленькой. И до сих пор женщина побаивалась произносить это слово вслух.

Джек покачал головой. Свои седеющие волосы он собрал в хвост.

— Думаю, что-то с головой. Депрессия. Она уехала в понедельник, пока я ездил на Морпетский рынок. На-

¹ Гластонберийский фестиваль современной музыки — фестиваль, который проводится с 1970 г. рядом с городом Гластонбери. Славится своими рок-концертами.

верное, такси вызвала. Сказала, что ей нужно побыть одной.

— Она сказала, что собирается уехать?

Джек снова покачал головой:

— Да нет, оставила записку.

Он вытащил из кармана джинсов клочок бумаги, положил на столик рядом и отодвинул чашку с кофейными разводами, которая стояла там уже дней пять, чтобы Вере было лучше видно.

Вера узнала почерк — Джоанна часто оставляла записки. Фиолетовые чернила, безукоризненно аккуратные буквы — острые, красивые. «Септик вывезли». «Посылка в сарае». «Приходи вечером на ужин». А тут: «Уеду на пару дней. Надо побыть одной. Суп в кастрюле. Не переживай». И никакой подписи, ничего.

— Пара дней, — сказала Вера. — Вернется. Или позвонит.

Джек поднял на нее грустные глаза:

— Она перестала принимать свои таблетки.

— Какие таблетки?

Вера знала, что Джек покуривает травку. У них дома пахло. Иногда, выпив как следует пива, он скручивал огромный косяк прямо у Веры дома, не думая, что она может попасть в неудобное положение. Как-то раз он даже ей предложил. Вере хотелось покурить, но она отказалась. Знала, как ей легко впасть в зависимость, пусть уж лучше ее грешки не нарушают закон. Наверное, Джоанна тоже увлекалась, хотя под кайфом Вера ее ни разу не видела. Джоаннин яд — красное вино, которое она пила из огромного бокала синего стекла.

— Все мое наследство, — как-то сказала она, поднимая бокал к свету. — Все, что осталось от дома.

— Таблетки лития, — ответил Джек. — Ну, чтобы настроение туда-сюда не прыгало.

— Ты поэтому так переживаешь?

— Я уже пару недель переживаю. Она как-то странно себя вела. Не разговаривала толком, а теперь вот исчезла.

С момента их знакомства Вере стало ясно, что Джек Джоанну просто обожает. Он вечно на нее поглядывал и расцветал в ее присутствии. Джоанна была в теле, волосы желтоватого оттенка она вечно заплетала в косу. Пышные брови, широкий рот, большие карие глаза. Все ее черты — крупные, щедрые, руки и ноги — под стать. Носила она обычно красные кожаные ботинки, комбинезон, сшитый из лоскутов разной ткани, и свитера ручной вязки ярких оттенков. Если б Вере пришлось одним словом описать Джоанну, она бы назвала ее «жизнерадостной». Никогда бы не подумала, что у нее депрессия. Скорее наоборот. Джоанна вечно громко смеялась, последней уходила с вечеринок, любила обниматься и целоваться. Необязательно в романтическом смысле, но вот такая у нее была широкая натура. Вере казалось, в молодости Джоанна вполне могла быть актрисой или художницей. Или настоящей леди. Разговаривала она как аристократка. Так говорили на Би-би-си годах в шестидесятых. Но о ее жизни до встречи с Джеком Вера ничего не знала.

Вера пошла за пакетами, которые остались возле входной двери, и вытащила несколько бутылок пива. На столике рядом с чашкой валялась открывалка. Посвятить вечер домашнему хозяйству — поменять постельное белье, закинуть полотенца в стиральную машинку — видимо, не выйдет.

— Ну давай, — начала Вера, — рассказывай.

— Никогда не понимал, что она во мне нашла, — говорил Джек сбивчиво, и ливерпульский акцент зазвучал еще ярче.

— Да хватит напрашиваться на комплименты! — рывкнула Вера. — У меня нет на это времени.

Джек пораженно поднял глаза. Он-то думал, ему посочувствуют — и станет легче.

— А где вы познакомились?

Вера не была уверена, имеет ли это хоть какое-то отношение к делу, но вопрос и правда любопытный, и, возможно, так Джеку будет проще разговариваться.

— В Марселе. В портовом ресторанчике. Я там оказался после службы — контракт только закончился, получил деньги. А она сидела одна, на столе — бутылка вина, уже наполовину пустая. Она явно не просто так решила заказать бокальчик к своей рыбе. Она пила, чтобы напиться. Потом заметила, как я пытался объясниться с официанткой, поняла, что сам не справлюсь, и помогла мне с переводом. Она, конечно, та еще хвастунья. Мы и разговорились...

— А как она оказалась в Марселе?

— Сбежала от мужа. Богатенький подонок. — Голос его переменялся и зазвучал более пафосно: — Какой-то бизнесмен. Или банкир. Или дебил. Вот она и убежала как можно дальше от него — в Марсель.

— А почему она не вернулась в Англию?

Вере подумалось, что если уходишь от мужа, то хочется, чтобы рядом были друзья и семья.

— Некуда ей было возвращаться. Она же как белая ворона в своей семье. Они грозились поместить ее куда следует, если она уйдет от мужа. Понимаешь, в дурдом. — Джек ненадолго замолчал, потом продолжил: — Она пыталась покончить с собой. У нее на запястье есть шрам. Я еще тогда его заметил, когда мы сидели на марсельском солнце. И он так и не исчез. Она говорит, это ее боевая рана.

— Не замечала.

— Она поэтому и носит все эти браслеты. В общем, что было, то было. Со мной ей стало лучше. Я показал ее врачу, и если она принимает таблетки, то с ней все в порядке. Сказали, у нее биполярное расстройство. Даже не знаю. Я бы точно свихнулся, если б прошел через все то, что прошла она.

— Но она перестала принимать таблетки?

— Да. Говорит, все и так нормально, таблетки не нужны. — Джек замолчал и посмотрел прямо на Веру. — Мне кажется, у нее кто-то есть. И ей хочется ощутить это чувство, влюбленность, без лития.

— Да кто у нее может быть? — Вера решила, что Джек придумывает что-то совсем невообразимое. — Крис из паба и ветеринар Артур. Больше она ни с кем и не общается.

— У нее есть свои друзья, — заметил Джек. — И свои интересы. Мы так с самого начала договорились — что я в ее жизнь не лезу.

Он немного помолчал, затем добавил:

— На прошлой неделе она говорила с кем-то по телефону, а потом, когда я зашел в комнату, тут же повесила трубку. И не сказала, кто это был.

— И куда она, по-твоему, поехала?

Вера допила пиво и решила, что Джека надо выводить до того, как она пойдет за второй бутылкой, которой хотелось насладиться в одиночестве.

— Без понятия. Если б знал, то поехал бы и забрал ее.

— Но ты же вроде не лезешь в ее жизнь?

Вера поглядела на Джека, ожидая услышать разумный ответ на свой вопрос.

— Может, ей и правда нужно несколько дней, чтобы побыть одной.

Отыскать Джоанну наверняка не составит особого труда. Такси на ферму приезжает только одной компании, все им пользуются. Можно связаться с Томми Вулером, и сразу станет ясно, где скрывается Джо. Если б Джек так не раскис, то тоже бы додумался так поступить.

— Она перестала принимать таблетки, — повторил Джек, слегка подавшись вперед, чтобы Вера поняла всю серьезность его слов. — Последние дни у нее постоянно менялось настроение: то она как заводная поет и смеется, то злится и кричит. Совсем не своя. Против ее воли домой я ее не потащу. Думаешь, мы бы жили вместе, если б она не хотела? Думаешь, я хочу, чтобы она была несчастна? Я знаю, ты думаешь, я тюфяк, но ради Джоанны я готов умереть.

Джек замолчал, чтобы перевести дыхание.

— Я боюсь за нее, боюсь, как бы она чего не сделала с собой.

— Думаешь, она может еще раз попытаться убить себя?

— Да, — ответил Джек. — Мне так кажется. Если вдруг что-то пойдет не так. Она же что-то себе напридумывала...

Вера поднялась. В пакетах у нее лежало кое-что из заморозки. Еще немного — и начнет таять.

— Так зачем ты пришел ко мне?

Джек поглядел на Веру так, словно она не в себе.

— Чтобы ты нашла ее, естественно. Чтобы мы знали, что она в порядке.

— А дальше что?

— И все.

Джек тоже встал, и они пошли к входной двери. На улице стало холодно, а на небе зажглись звезды.

— Главное — знать, что она в порядке.